

УДК 800.1(082)
ББК 81.2

М. Троицки-Шефер

*аспирант, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского (г. Кассель, Германия),
e-mail: mtroitskiy@gmx.de*

**Живые языковые процессы в романе Р. Сенчина «Елтышевы»
(на фоне немецкого языка)**

В статье даётся описание средств живого языка писателя Р. Сенчина на примере романа «Елтышевы», указывается общая тенденция стилистики и языка современной художественной прозы, даются конкретные примеры из романа «Елтышевы», делается предположение о возможностях передачи этих языковых особенностей на фоне немецкого языка. Автор анализирует важнейшие языковые процессы, характерные для современной русской прозы, среди которых грамматические сдвиги (субстантивация, синтаксические сдвиги), графическая маркированность. Важное место в романе занимает употребление разговорной, а также детской речи. Автор статьи приходит к выводу, что главным для передачи авторского стиля является осознание переводчиком важности словесной материи романа. Языковые процессы, происходящие в языке современной русской прозы, не всегда можно точно перевести на другой язык, поэтому некоторые элементы индивидуально-авторской картины мира теряются.

Ключевые слова: современная русская проза, Р. Сенчин, стилистика текста, перевод, немецкий язык.

M. Troitski-Schaefer

*graduate student, Zabaikalsky State Humanitarian Pedagogical University
named after N. G. Chernyshevsky (Kassel, Germany),
e-mail: mtroitskiy@gmx.de*

**Living Language Processes in R. Senchin's Novel *The Yeltyshevs*
(in the background of the German Language)**

The paper describes the means of rendering the living language in R. Senchin's novel *The Yeltyshevs*, analyzes the general tendency of the stylistics and the language of modern prose illustrated by concrete examples from the novel *The Yeltyshevs*, and suggests possible ways to render these linguistic peculiarities in the German language. The author analyzes the major language processes of modern Russian prose, including grammatical shifts (substantivization, syntactical shifts), and graphic marking. The use of colloquial and children's speech plays an important role in the novel. The author concludes that the main translator's aim in rendering the author's style is his comprehension of the verbal matter of the novel. The language processes occurring in the language of modern Russian prose cannot be always precisely translated into another language; therefore, some elements of the author's individual world view are lost in translation.

Keywords: modern Russian prose, R. Senchin, text stylistics, translation, German language.

В данной статье мы попытаемся описать живой язык романа Сенчина «Елтышевы» с точки зрения стилистики текста, а также предположить, как и какие языковые изменения, сдвиги и особенности индивидуального стиля писателя возможно передать в переводе. Поскольку перевод «Елтышевых» ещё не осуществлён, мы будем опираться на лингвистические возможности современного немецкого языка.

Для начала обратимся к самому автору. Роман Валерьевич Сенчин – писатель, литературный критик, редактор газеты «Литературная

Россия» – знает не понаслышке о сложностях и проблемах современной русской деревни. Его жизненный путь начался в Туве, откуда семья вынуждена была уехать по национальным причинам в Красноярский край, где будущий литератор пытался стать фермером. В 1995 г. появляются первые рассказы Р. Сенчина. После окончания Литературного института им. А. М. Горького Р. Сенчин становится постоянным автором ведущих литературных журналов «Знамя», «Новый мир» и др. Появляются романы «Минус», «Елтышевы», «Нубук», повести,

сборники рассказов «Абсолютное соло», «День без числа», «Иджим». Роман «Елтышевы» вошёл в шорт-листы престижных литературных премий: «Большая книга», «Русский букер», «Ясная Поляна», «Национальный бестселлер». Р. Сенчина причисляют к направлению «новый реализм» [5].

Роман Р. Сенчина «Елтышевы», появившийся в 2009 г. и не переведенный пока на немецкий язык, вызывает живой интерес и соучастие к героям простой семьи милиционера и библиотекаря. Обращает на себя внимание язык автора, который можно назвать «живым». Сам автор в интервью З. Прилепину говорит в том числе и о том, что он пишет про маленьких людей, которые очень индивидуальны, особенны. С другой стороны, Р. Сенчин говорит о том, что важны не столько герои, сколько сам текст. Это можно напрямую связать с «живостью» этого романа, который, как и многие другие произведения словесности, документируют и передают оттенки эпохи начала нового тысячелетия, а следовательно, и новой языковой эпохи.

В. Бабицкая в своей рецензии причисляет роман к направлению «новый реализм», который, «надо отдать должное, действительно очищает текст от сознательных литературных штампов», и тут же критикует текст как не «литературное поле», называя его «хроникой», «домовой книгой», «журналом жертв кораблекрушения» [2].

Для анализа текста художественного произведения можно использовать термины, являющиеся актуальными в современной стилистике и используемые в диссертационных исследованиях. Например, в диссертационном исследовании А. В. Ивановой [3] используются понятия «языковая композиция», «ткань повествования». А. В. Иванова отмечает, что «своеобразие языка» писателя выражается в изменении содержания литературного произведения и особенностью использования языковых средств.

Художественные тексты постоянно развиваются, живут своей особой жизнью. Это же можно сказать и об анализируемом материале романа.

Слово художественного произведения живёт в мире, оно не ограничивается предложением или даже целым текстом. Кроме того, важны межтекстовые связи. Например, сюжет романа связан с его другим романом «Минус», а также с биографией самого писателя.

Очевидно, главной стилиевой особенностью романа «Елтышевы» является разговорный стиль. Автор часто обращается к разговорным

словам: «взяли «Москвич» (вместо «купили», «приобрели»). Можно привести много других примеров.

Если говорить о живости языка этого романа, нужно отметить, как верно определяют словари, то, что язык произведения живет, – это отличает его от языка мёртвого, как, например, латинского. В живом языке происходят живые процессы. Так, например, при описании жизненных позиций главного героя – отца семьи Елтышева – употребляется возвратная форма глагола «будешь вознаграждаться» [6, с. 1], как будто вознаграждение зависит только от самого человека и происходит пассивно. Сиди тихо – и дано будет: таково «жизненное кредо» главного героя. Его и героем назвать можно лишь с натяжкой. Пассивность отличает его жизненную позицию. В конце романа он становится сыноубийцей, продавцом спирта и, наконец, спивается и умирает.

Специальность Елтышева-старшего, «мента», отражается лексикой с разнообразной стилистической окраской. Так, будучи выпившим, как это часто водилось у дежурных сотрудников вытрезвителя, они находились «подшофе», то есть слегка навеселе. Данное слово использовал ещё М. Е. Салтыков-Щедрин как заимствование из французского языка, которое означает «разгоряченный», «возбужденный» [7]. «Обезьянник», в который попадали алкоголики или скорее перебравшие этого зелья, передаётся именно этим просторечным и жаргонным словом, а «врачиха» дополняет колорит заведения. Грубопросторечные слова и выражения «Быть в отрубе», «дежурка» поддерживаются грубыми, сниженными словами («подзаборник-обоссанец», «бичара») [6]. Приведём некоторые другие жаргонные слова и выражения: «реально пьяный вусмерть богатеи», «блатная должность», «нормал», «накатим трофейной», «в полном отрубе», «катать заявы», сокращение «старлей» вместо старшего лейтенанта.

Часто используется такой языковой процесс, как субстантивация: «Подвозили новых, новых. Грязных и чистеньких, невменяемых и на вид почти трезвых, агрессивных и тихих» [6, с. 5], как будто речь идёт не о личностях и людях, а об объектах для вытрезвления. Неважно, кто они – эти «новые», «грязные» и «чистенькие», а впоследствии – «недавние недовольные», субстантивация в этом случае приводит к обезличиванию.

По мнению Г. Д. Ахметовой [1], явление субстантивации можно рассматривать как ког-

нитивный сдвиг, чему в романе «Елтышевы» находятся подтверждения. Например, «свои» делят денежный куш, нелегально полученный в результате изъятия денежной наличности у вытрезвляемых. Субстантивированным словом «этот» показывается пренебрежительность мыслей Николая Елтышева о жертве, из которой «сделал клоуна» младший сын. «Уважаемый» в обращении сотрудника вытрезвителя к его подопечному ярко и колоритно передает тон миллицейского участка.

Графическая маркированность текста – это также один из языковых процессов. Графический словесный ряд, композиционно совмещаясь с другими словесными рядами, формирует языковую композицию. Так, в кавычки берутся некоторые разговорные штампы: «заняться делом», «вступить в долю». Как будто автор хочет показать неспособность отца семейства заниматься такими новыми на момент действия романа занятиями. Другое частое использование разделительного дефиса для передачи манеры говора говорившего, например: «с-слушай», «да-авай» и фонетическая передача вставок «э» – выражающее неуважительное отражение к «клиенту» вытрезвителя. «Здоро-ов ты» – передает удивление размерами тела Николая «Михалыча» Елтышева коллегами. «Во-ды! Во-ды!» точно передает скандирование заточённых в вытрезвитель людей.

Ещё одно графическое использование круглых скобок в тексте можно понять как размышление или отступление в рассказе от имени автора-рассказчика: «Сержант Ионов, звеня ключами на большом кольце, открывал двери, желающие выходили в коридор, и их отводили в крошечную – метра четыре квадратных – комнатушку с большой батареей-змеевиком, прутьями под потолком (сушилка, что ли, когда-то была)» [6, с. 6]. Тут же встречается и субстантивированное «желающие».

Искусно передаётся автором детская речь: так последний потомок рода Елтышевых, сын Артёма, которого видит в последней сцене Валентина, его бабушка, не выговаривает ещё многих звуков, в данном случае автор отображает особенность детской речи фонематически: «– Я – Одион Пегъунин, – твёрдо ответил мальчик. – Живу – улица Заецьная, дом семь...» [6, с. 102].

Повторы-рефрены – это тоже принцип построения текста. Частое повторение слов «раздражать», «раздражение» можно встретить в одном абзаце: они встречаются порядка семи

раз, одно за другим. Тут же оживает и квартира, «съезжившаяся от вещей и выросших сыновей и располневшей жены» [6, с. 12] и раздражающая героя, а мысль «прокалывает». Метафорическое «застарело уставший» как нельзя точно передаёт состояние героя. Для стиля Р. Сенчина не свойственно увлечение метафорами, но если они есть, то всегда очень точные.

Синтаксические сдвиги можно увидеть, например, в изменении порядка слова. Так, выражение «борьбой занимался без правил» [6, с. 5] передаёт разговорность, акцентирует смысловой подтекст.

Тяжела судьба Валентины, матери и жены. Неполными предложениями как будто чеканится её отмеренная, неуклюжая и несчастная жизнь: «Полвека позади. В общем-то, вся женская жизнь. Впереди – старость» [6, с. 6]. После смертей обоих сыновей и мужа Валентина как бы существует, а не живет, она больна, никому не нужна, ни с кем не общается, и никто ей не сможет помочь. Семантическая безличность предложений, с отсутствующим грамматическим субъектом подчёркивает монотонность и неинтересность её существования: «Утром выволакивает на улицу, вечером заволакивает обратно во двор» лавочку [6, с. 97].

Прошедшее время, внезапно перемежающееся с настоящим, помогает ощутить всю безысходность бытия этой немолодой женщины, причисленной автором уже как бы к старухам: «Спирт Валентина Викторовна не продает – ей, кажется, ничего уже не надо» [6, с. 98]. Здесь как бы передаётся смешение прошлого и будущего в сознании героини. Тем не менее судьба в лице автора дарит Валентине «жизнь», она, последняя, умирая, видит внука, которого не хотела признавать, продолжателя этого вымирающего рода Елтышевых.

То же происходит, как в унисон, и с деревней, она – «сонная, бедная, словно бы готовая вот-вот превратиться в горки трухи, исчезнуть, но каким-то чудом продолжающая существовать» [6, с. 98]. Как пишет один из читателей романа на сайте для читателей: в романе показывается не развал деревни, здесь показывается продукт деревни, продукт советской эпохи – Елтышевы. Они не представляют собой деревню, они видят только весь ужас этой деревни. Елтышевы – паразиты, бесцельные люди без морали, может быть, поэтому их никому не жаль. Многие критики, по мнению читателя, видят в романе гибель деревни, но это не так, потому что этот извращенный взгляд не может соответствовать

реальности ситуации: «Только вот не стОит распространять этот термин до масштабов национальных метафор. Это – не народ. Это – не деревня. Деревня рядом, но Елтышевы смотрят на неё сквозь призму ужаса и отчаяния брошенных пастухом овец. И видят только грязь, развалины, алкоголиков, нищету и беспросветность. И, разумеется, вся эта благодать тут же к ним пристаёт как банный лист» [8].

Делая выводы, нельзя не согласиться с мнением Г. Д. Ахметовой, что изменения и сдвиги – «это отражение и продолжение самых древних языковых традиций; с другой же стороны – это свидетельство дальнейшего развития языка, его динамичности, модификации, его живой жизни» [1, с. 49].

Наконец, обратимся к возможностям перевода данного романа на немецкий язык. В 2003 г. на немецкий язык переводчиком Ульрике Цемме был переведён другой роман Р. Сенчина – «Минус» [10]. Как пишет один из критиков, Г. Реллер, «дебютный роман Сенчина оставляет позади привычные формы постсоветской литературы (Сорокин, Пелевин, Ерофеев...) и рассказывает естественно и иронично, безжалостно, но и с пониманием о (лишних?) людях из суровой и убогой провинции. Минус – это сильно заставляющий задуматься отчёт о сибирском «потерянном поколении» – без денег, но с продуктовыми карточками (примерно 1996 г.), с призрачным будущим, но с большим количеством намерений...» [9] (перевод – М. Т. -Ш.). Таким образом, можно предположить, что роман «Минус» был воспринят критиками на должном уровне, что наверняка не в последнюю очередь заслуга переводчика и корректно переданного живого слова автора в переложении на немецкий язык.

В переводе романа «Елтышевы» на немецкий язык можно предположить сложности в переносе всех особенностей языка и стиля автора на другой язык, которые коренятся в различиях грамматических структур, стилистических средств и нюансах двух языков. Ещё В. Набоков в статье о переводе предостерегает от трёх «грехов» перевода: неглубокое знание языка, сознательное выпущение слов или абзацев переводчиком из оригинала и «полировка» или «приглаживание» текста переводчиком [4].

Думается, что перевод романа «Елтышевы» будет сопряжён с переносом стилистических особенностей разговорности романа. Так, например, возможно предположить перенятие графических средств на язык перевода, как наи-

более «простых» способов передачи живого языка оригинального текста. Безусловно, следует перенести послоговое или звуковое деление через дефисное написание слов в прямой речи («с-слушай», «да-авай») в соответствии с ритмом. По всему, возможна и передача скобок в авторской речи, а также кавычек.

Также несложной, с одной стороны, представляется передача субстантивации: немецкий язык с достаточной простотой переводит прилагательные в разряд существительных. Написание со строчной буквы и наличие артикля позволяют более просто, чем в русском языке, обратить внимание на то, что данная лексическая единица используется как существительное. Но, например, сокращённое и разговорное «старлей», скорее всего, не найдёт отражения в переводе.

Сложным можно предположить передачу «культурно-привязанных» слов, характерных и известных носителю русского языка или человеку, приобщённому к русской культуре. Так, сложно представить полноценный перевод лексики из жаргонно-разговорного словаря действующих лиц, например всего, что связано с вытрезвителем. Само понятие «вытрезвитель» как «заведение для вытрезвления», или «камера для вытрезвления» (нем. *Ausnüchterungsanstalt*, *Ausnüchterungszelle*) имеется только в полицейском участке и не может нести смысловой нагрузки, какая имеет место быть в обиходе россиянина. Ещё сложнее представляется перевод жаргонизмов и просторечных оборотов, например, «обезьянник», «врачиха», «бичара». Следует использовать приближённые значения в сниженной и жаргонной лексике немецкого языка. Прямые переводы или, тем более, аллитерации, не будут, на наш взгляд, нести смысла, заложенного автором. Возможно, оснащение текста сносками, где будет объясняться смысловая нагрузка, например, слова «обезьянник» или «вытрезвитель», компенсирует эти стилистические потери перевода.

Непростая задача будет стоять перед переводчиком при изменении порядка слов в предложении, поскольку, как известно, немецкий язык обладает особо строгим порядком слов и синтаксисом, где предикат закреплён на второй позиции, как в простом предложении. Кроме того, при предикате из более чем одного слова (временные формы, модальные глаголы с инфинитивом) необходимо соблюдать так называемую рамочную конструкцию: то есть если предикат, к примеру, закреплён на втором и послед-

нем месте в предложении. Здесь, в сравнении с русским языком, нарушение строя предложения может повлечь за собой непонимание смысла читателем, а следовательно, практически исключается. Тем не менее в случае «борьбой занимался без правил» [6, с. 5] возможно вынесение «без правил» за рамку предиката.

Неполные предложения с отсутствующим субъектом или предикатом возможно довольно просто передать и в немецком, однако беспредикатные предложения могут передаваться легче, в то время как безличные, бессубъектные предложения перевести сложнее. Это можно пояснить использованием безличного местоимения „es“, например, при передаче погодных условий. Таким образом, передача предложения в авторском стиле «Утром выволакивает на улицу, вечером заволакивает обратно во двор» [6, с. 97] сложнее передать в немецком эквиваленте. Здесь можно предположить использование инфини-

тива как безличной конструкции и подспудного смысла монотонности и безличности действий Валентины Елтышевой.

Однако же, если это прямая речь, а из контекста понятно, о ком идёт речь, то тогда передача бессубъектного варианта так же не представляется особой трудностью. Например: «Высохла вся, прям тростинка» [6, с. 99]. Речь идёт о женщине, сватье Елтышевых.

Резюмируя вышесказанное, хочется отметить, что трудности, с которыми по всей вероятности будет сталкиваться переводчик в ходе работы над переводом романа «Елтышевы», достаточно предсказуемы. Главным для передачи авторского стиля является осознание переводчиком важности словесной материи романа. Языковые процессы, происходящие в языке современной русской прозы, не всегда можно точно перевести на другой язык, следовательно, какие-то элементы индивидуально-авторской картины мира, конечно, теряются.

Список литературы

1. Ахметова Г. Д. Субстантивация как семантико-грамматический и когнитивный сдвиг // Образ мира в зеркале языка : сб. науч. ст. / отв. соед. В. В. Колесов, М. Влад. Пименова, В. И. Теркулов. М. : ФЛИНТА, 2011. 567 с. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 1). С. 48–56.
2. Бабицкая В. Рецензия. Роман Сенчин. Елтышевы. // OpenSpace.ru. URL : <http://www.openspace.ru/literature/events/details/13741/> (дата обращения : 20.11.2011).
3. Иванова А. В. Субъективация повествования (на материале прозы Владимира Маканина) : дис. ... канд. филол. наук. Чита : Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т, 2008. 185 с.
4. Набоков В. В. Искусство перевода // www.langust.ru. URL : <http://www.langust.ru/etc/transart.shtml> (дата обращения : 29.11.2011).
5. Сенчин Р. В. // Википедия. URL : http://ru.wikipedia.org/wiki/сенчин,_роман_валерьевич (дата обращения : 20.11.2011).
6. Сенчин Р. В. Елтышевы. 102 с. // www.livelib.ru URL : <http://www.livelib.ru/book/1000327279> (дата обращения : 20.08.2011).
7. Словарь Ушакова // Яндекс словари. URL : <http://slovari.yandex.ru/> (дата обращения : 10.11.2011).
8. Форум романа «Елтышевы». URL : <http://eliz-emelyanowa2012.narod2.ru/> (дата обращения 10.11.2011)
9. Gisela Reller. Belletristik // Rezensionen. URL : <http://www.reller-rezensionen.de/> (дата обращения : 29.11.2011).
10. Sencin, Roman. Minus. Aus dem Russischen von Ulrike Zemme. Koeln: DuMont. 2003. 318 S.

Статья поступила в редакцию 30 ноября 2011 г.